

УДК 902:904(571.1)"16/17"
DOI: 10.17223/19988613/56/23

М.П. Чёрная, С.Ф. Татауров, Б.С. Борило

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ХРАНИЛИЩА ДЛЯ ПРИПАСОВ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ТАРЫ

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири в XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

В статье рассматривается важная в ходе освоения Сибири проблема – обеспечение продуктами питания русских переселенцев. Эта проблема имела не только повседневное, но и в рамках колонизационного процесса и стратегическое значение. Задача продовольственного обеспечения, включающего и необходимость обустройства хранилищ для припасов, исследуется в историко-археологическом контексте Тары – одном из первых сибирских городов, основанном в самом конце XVI в. в Тарском Прииртышье, на пограничье с миром степных кочевников.

Ключевые слова: Сибирь; Тара; XVII–XVIII вв.; продовольственное обеспечение; хранилища для припасов.

Сибирь для русских переселенцев стала не просто новым местом проживания, новой ойкуменой, которую начали заселять и осваивать в конце XVI – начале XVII в., но и землей обетованной – страной земли и воли: бескрайней, богатой ресурсами, свободной от помещичьего землевладения, обещавшей новые возможности для осуществления надежд на лучшую жизнь. Вот только обустройство, обживание этой земли обетованной, находившейся на огромном расстоянии от исторической родины, требовало большого труда, постоянных усилий и длительного времени.

Тара, основанная в 1594 г., – один из старейших городов Сибири и ключевой плацдарм по «приисканию новых земель и объясачиванию инородцев» в Среднем Прииртышье. Борьба с Кучумом, не пожелавшим установить вассальные отношения с русской администрацией, закончилась его разгромом в 1598 г., когда младший воевода А. Воейков «Божиим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума царя побил». Однако и после падения Кучума ситуация оставалась сложной – нападения кучумовичей, калмыков, «шатость» местного татарского населения. Это определяло военный, в значительной мере, характер Тары, стоявшей на пограничье с кочевым миром. Однако даже в ранний период своего существования Тара не была исключительно военно-административным центром. С самого начала Таре был придан разряд города, что подчеркивало ее значение как стратегического пункта по освоению земель в южной части Тобольского разряда, установлению дипломатических и торговых отношений с Востоком (первый караван из Бухары прибыл уже в 1595 г.), заведению пашни, развитию транзитной торговли, промыслов и ремесла в самом городе и прилегающей округе [1. С. 141–145; 2. С. 81, 82, 103, 104; 3. С. 243, 244; 4. С. 17–33].

Стратегия освоения новых земель включала не только административно-политическую составляющую,

но и экономическую, которая подразумевала в первую очередь обеспечение продовольствием новых насельников края. Проблема решалась путем поставки продовольствия «с Руси» и за счет развития местного сельского хозяйства и промыслов. Продукты поступали в Тару из Тобольска, куда свозился хлеб из Европейской Руси, из Туринска, Тюмени и Верхотурья, куда отправляли отряды казаков «по государевы хлебные запасы». Доставка продовольствия была сложной и не всегда регулярной. Основным способом решения проблемы было развитие собственной продовольственной базы. В наказе уже первому воеводе Тары Андрею Елецкому предписывалось «завести в Таре пашню и соль устроить».

Земледелие стало основой экономического развития Тарского уезда. Земли вокруг Тары были очень плодородны, небольшая государева пашня давала значительное количество разного хлеба. Необыкновенный урожай собрали в 1625 г.: на государевых десятинах посеяли 36 четвертей, а получили почти в 15 раз больше – 533 четверти. Пашенных крестьян в Таре было мало: в 1624 г. только 7 крестьянских дворов с 10 крестьянами. Ссылные, присланные завести в Тарском уезде пашню, оказались совершенно непривычными к хлебопашеству: «Пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают и их кормят из царских житниц». Основным производителем хлеба были служилые люди, которым выдавалось «государево жалованье» деньгами, солью и хлебом, но нерегулярно и в недостаточном объеме; хлебное жалованье не могло обеспечить прожиточный минимум семьи рядового служилого человека. Хлебопашество обеспечивало дополнительный источник существования, ослабляло зависимость от жалованного хлеба, что было крайне важно для «семьянистых» казаков. При дефиците и медленном росте крестьянского населения в пограничном уезде и увеличении спроса на хлеб, хлебопашество оставалось выгодным делом.

В течении XVII в. и в начале XVIII в. тарские служилые люди сохраняли лидирующие позиции в земледелии [1. С. 146–155; 4. С. 33–36; 5. С. 121; 6. С. 17].

Большим подспорьем стало огородничество. Из-за дефицита свободной земли в городе огороды располагались также за крепостными стенами. В основном в подгородной части по берегам реки Аркарки. Это хорошо показано на чертеже города С.У. Ремезова [7. С. 333]. Тарчане выращивали обыкновенные овощи, известные русским с летописных времен: хрен, репу, лук, чеснок, горох, бобы, морковь, огурцы, капусту. Русские переселенцы по обычаю более разводили капусту, огородами-капустниками очень дорожили. Излюбленным овощем у сибиряков в посты была брюква и разводилась в больших количествах. Брюкву и свеклу резали на куски и парили в больших горшках (корчагах) в течение суток, так получали любимые детьми паренки [8. С. 3, 32, 33]. Обилие навоза, наличие которого подтверждают обнаруженные в ходе раскопок мощные пласты навоза, позволяло щедро удобрять огороды, что повышало урожайность овощей.

Важным источником получения продовольствия тарских жителей были промыслы, базирующиеся на местных природных ресурсах: сбор грибов, ягод, хмеля и др., охота и рыболовство. Тара окружила себя десятками заимок на охотничьих и рыболовных угодьях. Наибольшее распространение получило рыболовство. Рыбу ловили в реках, озерах, запрудах сетями, неводами, бреднями, переметами, мордами, кривдами, сайпами, вершами, а зимой «в пролубях удою» или ловушками-котцами. Большинство рыболовов происходили из служилого сословия. В начале XVIII в. 53,5% занимавшихся рыбной ловлей были связаны с военной службой. Тара стала одним из основных поставщиков рыбы из Сибири для Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Москвы и других городов Европейской России. Продукция рыболовного и охотничьего промыслов занимала весомое место в питании тарчан, что документируют остеологические и ихтиологические материалы археологических раскопок Тары в крепости и остроге. В культурном слое XVII в. доля костей лося и косули составляет почти половину остеологической коллекции. Слой насыщен чешуей и костями рыб разных видов, обитающих в местных водоемах – от иртышских осетров до карасей из окружающих город озер. В ходе раскопок найдены формы из сосновой коры для отливки свинцовых рыболовных грузил и для литья блесен в виде небольшой рыбки. В тарской рыболовной коллекции имеется значительное количество приспособлений для коллективного и индивидуального лова: большие круглые грузила от неводов и бредней, крючки и остроги [4. С. 37–38; 9. С. 96–100].

Для хранения собранного урожая и запаса продовольствия в свежем и консервированном (вяленые, копченые, соленые, вареные, сушеные) виде необходимы были приспособленные помещения, которые вписывались в пространство города, дома и двора. Со-

гласно данным Тарской дозорной книги 1624 г., в городе находилось более 20 государственных и частных житниц для хранения хлеба, соляные и зеленые амбары [10 Л. 319–320]. Хранилища для продуктов использовались разнообразные. Их названия, известные по письменным и этнографическим данным, также вариативны: погреб, погреб с напогребницей, подпол / подполье, подвал, яма, омшаник, житница, амбар и др. Письменную информацию не всегда можно интерпретировать однозначно, поскольку под одним названием могли фигурировать конструктивно разные объекты и, наоборот, одинаковые по конструкции хранилища называться по-разному. Привычные нам по названию погреб, подпол, подвал отнюдь не всегда подразумевали углубленные в землю постройки. Бытовали «плоские» погреба / подполья, «избы плоские на подполье», т.е. наземные. Зачастую тип и детали конструкции хранилищ из письменных упоминаний о них неясны, и если при описании, скажем, погреба опущен термин «плоский», то он мог быть на деле как наземным, так и вырыт в грунте [11. С. 54; 12. С. 217, 223; 13. С. 175; 14. С. 54, 59, 61; 15. С. 358–362 и др.].

В Таре исследовано четыре погреба: один в усадьбе на территории крепости и три в остроге. Исследованный усадебный комплекс П-образной формы располагался практически в центре крепости, что указывает на его принадлежность представителю местной администрации [16. С. 214–219]. В комплекс входил дом-пятистенок с теплыми сенями, баня, изба для челяди, колодец и погреб с напогребницей. Часть усадьбы была вымощена и покрыта на разном уровне навесом из сосновой дранки (рис. 1, 1). Погреб, изба и колодец с навесом, построенные в разное время, находились на одной линии на расстоянии 0,5–0,7 м друг от друга (рис. 1, 2). Планиграфия застройки весьма логична: колодец, обеспечивающий обитателей усадьбы водой, располагался рядом с жилыми постройками, но был отделен от погреба, чтобы в него не просачивалась вода.

По дендрохронологическим данным, усадьба сгорела примерно в 1669 г. во время опустошительного пожара, который практически полностью уничтожил город. После этого стихийного бедствия территорию сгоревшей усадьбы частично разровняли и засыпали слоем строительного мусора, навоза и земли. Эта ситуация позволила хорошо зафиксировать строительный горизонт XVII в.

Пожар уничтожил напогребницу практически полностью, остались только угловые столбы, что позволяет восстановить ее как каркасно-столбовую конструкцию (5×5 м) с двускатной крышей из дранки. Дверь в напогребницу располагалась со стороны двора.

Перекрытие из мощных полубревен сохранило внутреннюю конструкцию погреба совершенно целой, лишь через лаз насыпался мусор. Размеры погреба: 3,3×3,0 м. В яму глубиной 1,5 м был впущен сруб из 7 венцов из кедровых и сосновых бревен диаметром 30–40 см.

Перекрытие погреба из тщательно подогнанных друг к другу 11 полубревен (диаметром 40 см) опиралось на верхние венцы сруба и центральную бревенчатую балку (диаметр 35 см), врубленную между шестым и седьмым венцами сруба.

Лаз (90×90 см) представлял собой приподнятый над перекрытием примерно на 50 см ящик из отесанных досок (толщина 4 см, ширина около 20 см), поставленных на ребро, сшитых шипами и укрепленных косяками (рис. 1, 3). Ящик-лаз имел дно из снимающихся досок и крышку, пространство между ними забивалось сеном для создания барьера от проникновения теплого или холодного воздуха. С целью теплоизоляции перекрытие погреба тоже было завалено землей примерно на 50 см, т.е. на высоту ящика-лаза. Кстати, земляная насыпка на перекрытии предохраняла погреб от пожара, сгорела только напогребница.

Для спуска в погреб служила лестница (рис. 1, 4), сделанная из расколотого бревна (ширина 40 см). Верхнее бревно сруба, на которое опиралась лестница и для большей ее устойчивости, стесано примерно на треть. В лестнице вырублены четыре ступеньки, три нижних прорублены насквозь, чтобы удобнее ставить ногу.

Между вторым и третьим нижними венцами сруба врублены две лаги (диаметр около 20 см), на которые, вероятно, опирались плахи пола (рис. 1, 5). Тесаные плахи (ширина 40 см) обнаружены не в погребе, а на поверхности. Возможно, их вытащили для просушки. Плахи сделаны из вторично использованной древесины. В некоторых плахах по центру просверлены пятисантиметровые отверстия, вероятно, для стекания воды и притока холода снизу.

На 40 см ниже половых лаг находился нижний пол из тесаных досок (ширина 30 см, толщина 5–6 см), сохранившийся частично. Это пол для льда. Весной, перед наступлением тепла пространство между нижним и верхним полами заполнялось льдинами, которые сбрасывали вниз, поэтому доски нижнего пола несут следы ударов, некоторые из них проломлены. Очевидно, часть льда размещали и на верхнем полу, по мере его таяния вода уходила вниз через отверстия в плахах.

Для подвешивания продуктов применяли доски с просверленными отверстиями (рис. 1, 6). Найденные в погребе обломки сланцевых камней, видимо, собранных на берегах Иртыша, а также зуб мамонта использовались в качестве гнета в кадках с соленьями.

В конце лета – начале осени, перед загрузкой нового урожая погреба чистили, разборные части вытаскивали и сушили. Поэтому в раскопанном погребе запасов не обнаружено, а половые доски подняты на поверхность. Это обстоятельство косвенно указывает на время пожара, в котором сгорела усадьба.

При выборке культурного слоя поблизости от погреба найдены несколько клепок и обвязок от кадок, служивших для хранения продуктов в погребах. Высота кадок от 50 до 80 см, диаметр примерно одинаков –

около 70 см, и подходит для спуска продуктов в погреб через лаз. Кадки обвязывали ивовыми прутьями с замками-застежками на краях. Длинные тонкие ветки срезали с деревьев, расщепляли на две половины и натягивали на кадки, при высыхании они прочно сжимали клепки.

Качество постройки и строевого леса очень высокое, что позволило простоять погребу-леднику несколько сотен лет без фактических разрушений.

Погреба, раскопанные в остроге, могли принадлежать одному хозяину в том случае, если входили в один комплекс с жилой избой, или находиться в коллективном пользовании соседей (рис. 2, 1). Изба и погреб залегают в одном строительном горизонте, расположены в одну линию и поставлены одновременно, по дендрохронологическим определениям – в конце XVIII в. Срубы погребов собраны из бревен меньшего диаметра (около 25 см), чем погреб в крепости, и худшего качества – кривых, с дырами от выпавших сучьев и т.д.

Погреб рядом с избой имел напогребницу в виде навеса на опорных столбах, которые сохранились. Пространство в 1,5 м между избой и погребом вымощено тесаными плахами и бревнами. Возможно, напогребница была покрыта соломой, поскольку остатков дранки не найдено. Крытые соломой хозяйственные постройки были обычным явлением в острожной части Тары, они начинают исчезать только в 80-х гг. XVIII в. после серии мероприятий по предотвращению пожаров в городе.

Погреб рядом с избой представлял собой опущенный в яму сруб 2,3×2,3 м, глубиной не менее 1,8 м. Сохранилось девять венцов, в верхнем венце вырублен паз под балку перекрытия, это свидетельствует, что венцов было минимум десять. Перекрытие отсутствует, поэтому информации по устройству лаза нет, можно предположить, что вход в напогребницу и лаз находились ближе к южной стороне сруба, где располагались балки перекрытия. Лестница для спуска в погреб не обнаружена.

Сохранилось несколько плах пола (рис. 2, 2), их настилали на бревна, положенные на землю. Подгнившие бревна-лаги периодически меняли на новые. Рядом с погребом на поверхности лежали два неосушеных березовых бревна диаметром 25 см, которые вытащили на просушку или собирались заменить.

В центре погреба ниже уровня пола зафиксировано круглое углубление (диаметр 1,2 м, глубина 40 см), на дне лежало несколько досок. Видимо, в углубление закладывали лед для дополнительного охлаждения камеры. В погребе найдена чурка, которая, судя по следам на верхней поверхности, служила для рубки мяса, а также зуб мамонта, применявшийся в качестве гнета.

Погреб-ледник использовался практически весь год, за исключением конца лета – начала осени, когда он сушился и ремонтировался в случае надобности. Весной в углубление закладывали лед и поверх настилали пол.

Второй погреб (рис. 2, 3) в этом комплексе расположен в полутора метрах от первого и менее глубокий – около 1,3 м.

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. 1 – макет усадьбы; 2 – планировка построек усадьбы (реконструкция); 3 – перекрытие погреба с входом-лазом; 4 – внутренняя часть погреба с лестницей; 5 – внутренняя часть погреба с лагой под перекрытие и лестницей; 6 – доски полового настила погреба и доски просверленными отверстиями для подвешивания продуктов

1

2

3

Рис. 2. 1 – погреб «на отлете»; 2 – погреб рядом с избой; 3 – лаги пола и врубки перекрытия во втором погреб

1

2

3

Рис. 3. 1 – внутренний погреб жилой постройки; 2 – перекрытие погреба; 3 – внутренняя часть погреба с лестницей

В срубе 10 венцов, верхние венцы были засыпаны землей. По центру погреба лежала балка перекрытия, концы которой врублены в бревна девятого венца в восточной и западной стенках. На южной стенке в бревне девятого венца – два паза (15×15 см) для обустройства лаза (0,6×0,8 м). Лаги для пола врублены в бревна первого венца в северной и южной стенках. От пологого настила сохранилось несколько тесаных досок (толщина 6 см, ширина около 30 см). Нет свидетельств наличия второго пола. Бревно-лестница для спуска в погреб отсутствует. Перекрытие погреба для теплоизоляции было засыпано землей, от чего на поверхности образовался небольшой холм.

В этом погребе хранили продукты повседневного спроса, прежде всего кисломолочные, а также овощи-корнеплоды.

Четвертый исследованный погреб, в отличие от стоящих «на отлете» (см. рис. 3), находился внутри избы, под полом. Из семи изб XVII–XVIII вв., раскопанных в острожной части Тары, внутренний погреб обнаружен только в одной. По конструкции он схож с предыдущими. В сопоставлении с размерами избы (3,8×3,8 м) погреб довольно велик – 2,5×2,5 м. Подпол-погреб сдвинут к юго-восточному углу избы, ориентированной по сторонам света. Сруб погреба из тонкого леса в десять венцов спущен в яму на глубину 1,5 м от уровня нижнего венца избы. В западной стене остался фрагмент балки, положенной по линии восток–запад и врубленной в бревна девятого венца сруба. Вруб для лаза не наблюдается, но на дне погреба зафиксирован брусок-косяк (толщина 7 см, ширина 25 см) с двумя пазами, т.е. косяки укрепляли лаз, размер которого в соответствии с шириной бруска должен был составлять 0,5×0,5 м. Лаз почти не поднимался над уровнем перекрытия. Вруб для половых лаг на нижних бревнах сруба нет: либо пола не было совсем, либо его настилали на временные лаги. Упавшее бревно с вырубленными ступенями по конструкции аналогично лестнице, найденной в колодце воеводской усадьбы Томского кремля [14. С. 123. Рис. 141]. В подполе найдены предметы, связанные с его функционированием: доски-разграничители для сусеков, фрагменты оплетки бочек из ивовых прутьев, пробка для бочонка и т.д. В подполье круглогодично хранили овощи-корнеплоды, соленья, возможно, продукты собирательства – ягоды и грибы. Большая глубина погреба-подполья способствовала сохранению устойчивого температурного режима для хранения продуктов.

По дендрохронологическим данным, изба была построена после пожара 1709 г., уничтожившего почти весь Тарский острог, и сама сгорела в конце XVIII в. Подпол-погреб тоже пострадал – юго-западный угол

сруба обгорел почти до самого дна (рис. 3, 2). После пожара подпол перекрыли временным настилом из тонких березовых бревен. Возможно, для хранения уцелевшего имущества и припасов. После того, как перекрытие обвалилось, погреб завалили землей.

Погреба обеспечивали хранение продуктов на протяжении всего года, что определяло их значимость для жителей Тары. В погребах-ледниках можно было хранить мясо и рыбу и в теплое время года – весной / летом, и хотя продукты теряли свои качества, для использования в пищу были вполне пригодны. Находки клепок для больших (емкостью 60–80 л) кадок и камней для гнета свидетельствуют о длительном хранении солений: капусты, огурцов, грибов разных видов. Такому виду консервации способствовало наличие хорошей соли с Ямышевских озер, которую тарчане добывали в значительных количествах. Кадки использовали и для длительного хранения брусники, черники, клюквы, в том числе в пареном виде. В ямных ледниках сырость воздуха приводила к быстрой порче корнеплодов [8. С. 271, 272].

В погребах безо льда хранили репу, брюкву, морковь, часто в песке в отгороженной части погреба. Такая традиция сохраняется у тарчан и в наше время. Известны «репные» погреба в виде полуопущенных в яму срубов с односкатной крышей или «репные» ямы, вырытые в сухом песчаном грунте, куда овощи, в том числе семенные, пересыпанные льняной кострикой, прикрытые соломой, хворостом, землей, дерном, закладывались на длительное хранение, до весны. Как правило, такие погреба-ямы открывали достаточно редко, по мере надобности и для проветривания от углекислого газа, выделяемого корнеплодами [8. С. 277–279; 15. С. 360]. В городах и деревнях устраивали «овощные» погреба и для повседневного употребления.

Погреба в разных своих вариациях как хранилища продуктов были необходимым элементом системы жизнеобеспечения. Сохранность продовольствия – не только повседневная, но и стратегическая задача, тем более в условиях жизни пограничного города, каким была Тара. Имеющийся материал позволяет определить место хранилищ для продуктов в усадьбной и городской застройке, некоторые конструктивные элементы этих построек. Дальнейшего изучения требуют детали обустройства и оснащения погребов, планировка их внутреннего пространства, особенности хранения разных продуктов (мясных, рыбных, молочных, растительных) и тары (деревянной, берестяной, плетеной, керамической), которая для этого использовалась. Продолжение раскопок, надеемся, даст новый материал для решения вопросов, важных для реконструкции культурного облика Тары XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М. : Вече, 2012. 320 с.
2. Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск : Наука, 1981. С. 78–109.
3. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1989. 304 с.

4. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории город Тары конца XVI – начала XX в. Барнаул : Аз Бука, 2006. 188 с.
5. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.
6. Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: Моя земля, 1999. 105 с.
7. Татауров С.Ф. Планиграфия Тары и некоторые вопросы благоустройства города в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 331–337.
8. Рытов М.В. Русское огородничество. СПб. : Изд-во П.П. Сойкина, 1914. 292 с.
9. Tataurow S.F. Sposoby polowu szczupaka przez mieszkancow Tary w XVII–XIX w. Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. Sierpc, 2017. T. VIII. S. 96–102.
10. Тарская дозорная книга 1624 г., составленная Василием Тырковым // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5.
11. Сафьянова А.В. Народное крестьянское жилище Вологодской области (по материалам экспедиции 1966 г.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л. : Наука, 1973. С. 47–66.
12. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII – XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
13. Копанев А.И. Двор крестьянина в Подвинье в XVII в. // Культура Русского Севера. Л. : Наука, 1988. С. 174–182.
14. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д Принт, 2015. 276 с.
15. Федоров Р.Ю., Лысенко Д.Н., Аболина Л.А. «Погреб с напоебницей»: дворовые постройки для хранения продуктов в XVII–XXI веках (Ангаро-Енисейский регион) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 357–363.
16. Татауров С.Ф., Чёрная М.П. Усадьба в Тарской крепости: опыт реконструкции комплекса // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 214–219.

Chernaya Mariya P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

Tataurow Sergey F. Omsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography and Museology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Borilo Bogdana S. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

FOOD SUPPLY AND STORAGE FOR PROVISIONS IN THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT OF TARA

Keywords: Siberia; Tara; XVII–XVIII centuries; food supply; provision storages.

A dwelling and estate complex are one of the main elements in the life support system. A structure, functionality of household objects within a manor is a well described in the ethnographic literature. A typology of dwellings has been developed; their horizontal and vertical planigraphy has been analyzed. However, the publications paid little attention to studying dimensional characteristics of dwellings and outbuildings, which can be compared with archaeological material.

The study purpose is to clarify a composition of the estate complexes and size of its buildings to understand the traditions, specifics of their formation and ability to compare with archaeological materials.

This research is based on the material of the inventory of the housing stock of the Angara Region Russian population, which are stored in the archives of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstskammer). Data were collected in 1957–1961 by the Angarsk group of the expedition of Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences under leadership of L.M. Saburova in Kezhem district of Krasnoyarsk region. Comparative archaeological material on dwellings is the one obtained by the author during the excavations of Russian settlements of the XVII–XVIII centuries in the Omsk Irtysh region.

The statistical methods of analysis are applied, which are systematic data collection, their processing and analysis; the author also used analogies and comparative historical methods.

As a result, the data on 1203 estates of the Russian population were considered. They are systematized by periods: the first period is from the beginning of the XIX century to 1916, it reflects the established traditions in organization of dwellings and household complex; the second period is from 1917 to 1930, it characterizes the culture transformations associated with the change of the social system.

On the basis of the information received, it was found out that the structure of an estate complex of Russian population of the Angara Region from the beginning of the XIX century to 1939 little had changed. Statistical data on the size of dwellings showed that Siberians built tall, spacious houses within the tradition, came to Eastern Siberia from the European part of Russia along with Russian settlers. The obtained information on the houses size allowed comparing them with archaeological material, what is done on the example of excavated dwellings from rural settlements in Western Siberia.

The obtained amount of representative information allows conducting comparative analysis of ethnographic and archaeological material. Comparison of ethnographic and archaeological data revealed similar elements. This makes it possible to trace the dwelling evolution in time and space. In the Russian culture of the Angara Region the features characteristic of Russians from other regions of Siberia and the European Russia lingered in the house construction and sizes, and estates structure.

REFERENCES

1. Butskiy, P.N. (2012) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Moscow: Veche.
2. Evseev, E.N. (1981) Tara v svoi pervye dva stoletiya [Tara in its first two centuries]. In: Vilkov, O. (ed.) *Sibirskie goroda XVII – nachala XX v.* [Siberian cities of the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 78–109.
3. Rezun, D.Ya. & Vasilevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [The Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Goncharov, Yu.M. & Ivonin, A.R. (2006) *Ocherki istorii gorod Tary kontsa XVI – nachala XX v.* [Essays on the history of Tara of the end of the 16th – early 20th centuries]. Barnaul: Az Buka.
5. Apollava, N.G. (1976) *Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX v.* [Economic development of the Irtysh at the end of the 16th – the first half of the 19th centuries]. Moscow: USSR AS.
6. Kolesnikov, A.D. (1999) *Omskaya pashnya. Zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ya v XVI – nachale XX vekov* [Omsk arable land. Settlement and agricultural development of the Irtysh in the 16th – early 20th centuries]. Omsk: Moya zemlya.
7. Tataurov, S.F. (2017) *Planigrafiya Tary i nekotorye voprosy blagoustroystva goroda v XVII–XIX vv.* [Tara planigraphy and some issues of improvement of the city in the 17th – 19th centuries.]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 331–337.
8. Rytov, M.V. (1914) *Russkoe ogorodnichestvo* [Russian gardening]. St. Petersburg: P.P. Soykin.
9. Tataurow, S.F. (2017) *Sposoby polowu szczupaka przez mieszkancow Tary w XVII–XIX w.* [Methods of pike hunting by the inhabitants of Tara in the 17th – 19th centuries]. Vol. 8. Sierpc: Rocznik Muzeum Wsi Mazowieckiej w Sierpcu. pp. 96–102.

10. Tyrkov, V. (n.d.) *Tarskaya dozornaya kniga 1624 g., sostavlenneya Vasiliem Tyrkovym* [The Tara sentinel book of 1624 compiled by Vasily Tyrkov]. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. List 1. File 5.
11. Safyanova, A.V. (1973) Narodnoe krest'yanskoe zhilishche Vologodskoy oblasti (po materialam ekspeditsii 1966 g.) [Folk peasant dwelling of the Vologda region (based on materials from the expedition of 1966)]. In: Putilov, B.N. & Chistov, K.V. (eds) *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Leningrad: Nauka. pp. 47–66.
12. Rabinovich, M.G. (1975) Russkoe zhilishche v XIII –XVII vv. [Russian dwelling in the 13th – 17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [The ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156–244.
13. Kopanev, A.I. (1988) Dvor krest'yanina v Podvin'e v XVII v. [Peasant's yard in the Dvina area in the 17th century]. In: Chistov, K.V. (ed.) *Kul'tura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad: Nauka. pp. 174–182.
14. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
15. Fedorov, R.Yu., Lysenko, D.N. & Abolina, L.A. (2017) "Pogreb s napogrebnytshey": dvorovyye postroyki dlya khraneniya produktov v XVII–XXI vekakh (Angaro-Eniseyskiy region) ["Cellar with an overcellar unitlity room": courtyards for storing food in the 17th – 21st centuries (Angara-Enisei region)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 357–363.
16. Tataurov, S.F. & Chernaya, M.P. (2015) Usad'ba v Tarskoy kreposti: opyt rekonstruktsii kompleksa [The Tara Castle manor: the experience of reconstruction]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [The Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 214–219.